

Самшит

ПРАЗДНИК

АВИАТОРОВ

О солдате Степане Грашкине

В середине августа отмечается обычно День воздушного флота. Хотя и нет уже Союза Советских Социалистических Республик, а праздник живет. Сейчас даже трудно представить нашу жизнь без авиации: военной и гражданской. Где только не применяются крылатые машины: они тушат пожары, обрабатывают поля, доставляют врачей к больным, перевозят различные грузы. Всего и не перечислишь.

В нашей стране второе рождение авиации, если можно так сказать, состоялось в начале тридцатых годов, когда комсомол взял шефство над Военно-Воздушными силами. В Волске был создан аэроклуб Осоавиахима (ДОСААФ). А чуть раньше военнотехническая авиационная школа, которая с 1941 года стала называться военной школой авиамехаников. В народе ее до сих пор именуют второй авиашколой. Среди ее выпускников Герои Советского Союза А. Калпина, И. Сиренко, П. Хохлов, П. Ря-

моего соседа, Дяди Степы Грашкина уже нет в живых, но иногда вспоминаются его рассказы о самой жестокой и кровопролитной войне, которая унесла десятки миллионов жизней. В войну он был рядовой водителем, возил снаряды на передовую, **документы** и обородовывание штаба дивизии, даже побывал в штрафном батальоне.

— Дядя Степа, расскажи о войне. Как ты начинал ее? — Дочинили мы бывшего солдата.

— Как? Как? Да вот так. Получил повестку прямо на работе. Я тогда на «Большевике» работал.

Было это весной 1942 года. Потрудили нас на Привольской и айда под Харьков. А там! Как не мец даст! Чето было!

А через неделю я уже без машины, шагал пешком по донским степям. Потом к группе небольшой присоединился, человек пять их было.

Старшим у них политрук был, такой молодой-малый. Я заместо оружия прихватил с полторки тяжелый молоток. Днем в балках отсиживаемся,

ночью идем на восток. **Голодуха страшная**, бланда, свежла начала прорастать, так мы ее и

ели. **Сидим как-то** в балке. Я осторожно голову высовываю, гляжу: немцы по полю на трех танках идут, балку обходят. Один танк прет прямо на нас, видать, через нее хочет махнуть. А на дне балки была огромная вымочина от степных дождей. Так скоду и залегли в нее. И ни взад, ни вперед. «А **дзика**, братцы, давайте-ка его нароем», — командует нам политрук. Кто-то на смотровые щели шинель бросил, «Остепл» немцу. Я на башню взобрался — луплю молотком. Немцы пытались люк оторвать и уже было пальнули из шмайсера. Но я все-таки одной вращиваю уголки по башке. Наш политрук немного каплять по-ихнему, по-немецки. Давайте, мол, сдавайтесь. Догорворились. Сначала они шмайсеры да бренинги бросали в люк, а затем сами вылезли. Один руку зажимает — оказывается, я ему еще и по руке угодил. Перевязали его. Как вели отпустите нас, все равно наши уже у Сталинграда да, русским капут... Надоменные такие. К нашим мы вышли, какись окопоро Воронежка. Пасадили

меня на «ЗИС-5», и начал я снова снаряды чалить на передовую. Это уже на Курской дуге было. А немец-то за нами по дороге на самолетах охотится. Когда в лоб идет — это еще ничего. Но вот когда сади пристроится — тогда держись. То влево крутанешь, то вправо, то скорость сбавишь. Да чего там, много хитростей напридумываешь, если жить хочешь. Как-то заехали в одну деревню, я в одной хате разбитую чулунную плиту подобрал, гвоздями пришил к стене в кабинке сади головы. Так, для успокоения.

Как немцев побили под Курском, так они там много трофеев побредали. А машин-то немцевских прова. Вызвал меня как-то командир роты и приказал принимать трофейную машину «МАН-ДИЗЕЛЬ», такая тупорыляла. И отравили меня в распоряжение штаба дивизии, документы штабные возить.

И вот весной сорок четвертого произзола со мной оказия. Освоили немецкую машину, — капризная штука. Только однажды при бомбежке продала она у меня. Узнал про это сам начальник штаба дивизии

и приказал меня наказть. А в это время на нашем участке оборону немцев пробивал штрафной батальон. Пришел за мной старлей и приказал собирать маляки и автоматы. Прихожу на передовую, а там пока затишье, как раз под вечер. Народ в штрафбате оказался аховый: рядовых мало, все больше сержанты и офицеры проштрафившиеся. Спрашиваю: как да за что? Откуда родом? Говорю, что родом-то я из Ульяновской области, а призывали из Волска. Тут ко мне подошел капитан и говорит: «Так я же в соседнем селе председателем был, ставляешь, дружище, три года воюю, и в первый раз **земляка** встретил. Это дело надо отметить». Смотрю — мой земляк что-то замышляет. Между нами и немцами метров 200-300 было. На нейтральной территории, а она была в ложбинке, немцы убитые лежат, их обычно ночью **сеои** забирают. Поползли капитан и еще двое на нейтральную полосу. Только они подползли к этим самям, термосам, а немцы тут как тут, их четверо оказалося. Сде-

пидись наши с ними в ручкопашную. Дрались в кроввь, капитан одного кинжалом уложил. Другой ему выдвинул в грудь крепко, а гимнастерка-то изопрела от пота, он, немец, возьми и вырви в драке клок вместе с карманом, а там документы. Так и ушел к своим немец с документами моего земляка. Как потом узнал, капитан-то живой остался, но правда, рядовых и без награды. В этот же вечер, как стемнело, за мной дежурный штабной офицер пришел. Они там возлились, возлились с моей трофейной машиной — никак завести не могут. Ну и порешили забрать меня с передовой...

Войну окончил в Австрии. Затем нас потрудили в эшелон и на Восток, на японскую войну, но не доехали — война быстро кончилась. Разгрузили нас под Красногорском. Дрова, солтому возили в колхозы. Раздолье. Потом мою машину трофейную разобралли, а двигатель к генератору пристроили — в колхозе электричество появилось. А в конце сорок пятого меня демобилизовали, и прибыл я домой...

А. ПЕТРОВ.